

Александр Никифоров

Вот был случАЙ

сборник

18+

Александр Евгеньевич Никифоров
Вот был слуЧАЙ.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36083395

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник рассказов. Рассказов о жизни. Простой и не очень. Веселой и не совсем. Но всегда единственной и неповторимой.

ПРАЗДНИК

Где, происходили события, неизвестно. Где – то далеко, за семью морями.

Сегодня, бодренько с кровати поднялся. Иногда у меня так бывает. Ну, как иногда? Раз в месяц, точно. По таким дням, как сегодня. Сегодня у меня пенсия. А это значит пополнение бюджета, улучшение питания и бытовых условий, на ближайшие десять дней, на декаду, как говорят экономисты. Дальше опять режим жесточайшей экономии до следующего вот такого, как сегодня, праздничного дня...

По этому поводу больше, чем обычно, «зависаю» в ванне. Так-то вода у меня самостоятельно лимитирована, кастрюля с утра холодной, и все. С холодной можно сделать все. То же сырье, как и нефть, а из той, чего только не делают.

Тщательно, не торопясь, привел себя в порядок. Побрился, ополоснулся, в общем, приготовил себя к выходу в «свет». Носки малость простирнул, выжал, на полотенце – сушитель повесил. Пока завтракаю, подсохнут, и станут годны в эксплуатацию.

Завтрак у меня сплошная диета: чай с сахаром, «голый» кусочек хлеба. Всегда удивляюсь этим, которые по тренажерным залам деньги проматывают. При таком их количестве, не поленились бы, сходили в пенсионный фонд, дали на «ла-

пу» и пожальте на досрочную пенсию. И все: сиди, отдыхай, бегать никуда не надо. Лишний жир, сам уплывет, да так, что и на катере не догонишь. А то, вон чинуши с депутатами узаконили себе пенсии немереные. А зачем? Чтоб по тренажерным залам их раскидывать, чтоб в поросёнка не превратиться на не совсем заслуженной пенсии? Хотя они и так.

Ладно, не буду праздник омрачать.

Перекусив, перехожу к одежде. Начинаю с брюк. Позавчера их специально выстирал, они у меня качественные стирок вообще не боятся. В Ленинграде в ДЛТ, еще до перестройки покупал. Сейчас не купишь, да и не шьют уже. Я в прошлом году купил. Сказали, их в Китае специально для наших пенсионеров шьют, потому и цена у них ниже некуда. В помощь, так сказать, от душевных китайских рабочих. У них-то там пенсий не платят, покупать такие брюки не кому. А брюки, загляденье. Материал блестит, на солнце переливается. По солнышку идешь, ниже пояса сплошное пятно, как зеркало лучи отбрасывает. Раз постирал, пропало зеркальце, пятна нет, идешь и как сквозь марлю все видно, чего и куда и в какую сторону при ходьбе отбрасывает.

То ли мыло наше хозяйственное, для китайских брюк смерть, то ли руки у меня не под Ань не под Инь не заточены.

А эти мои, похоже, из шинельного сукна сработаны того, что с первой мировой на складах остался. Им сносу нет, в гробу истлею, а они мои формы, которые ниже пояса сохранять будут. Как сейчас помню, как в стране конверсия на-

чалась, «оборонка» на народное хозяйство работать начала. Костюмы стали шить из офицерского сукна, лопаты делать из титана, топоры ковали из брони «тридцатьчетверок», тоже на складах залежавшейся. А это же на века. Броню – то нашу, никакие звери прогрызть не смогли, ни «тигры», ни «пантеры». Сосед мой напротив, инвалид, дружинник

Александра Невского, участник «Ледового побоища». Не верите? Вот вам крест! Удостоверение у него еще на вязи старославянской, сам видел. Так он, до сих пор кольчугу с тех времен носит, а она все блестит, как новенькая.

Глажу я брюки, а сердце, как говориться «бьется в упоение», тем же хозяйственным мылом стирал, что и китайские, а все путем: как новые, не единого пятнышка. «Стрелки» мылом промазал, рукой проведешь, обрежешься. Этому в армии меня научили, а там быстро учат, причем всему и сразу. Все зависит от того кто учит, и сколько раз пряжкой по заднице. Чем больше в виде «звезды» отпечатков-отметок, тем глубже усваиваешь. Брюки к выходу готовые на спинку стула повесил. Погладил ласково за верную службу, отошел, полюбовался. Что ни говори, а штучный товар, хотя и массового производства.

Теперь рубашку. Тут сложнее. Тут у меня, в отличие от брюк, есть выбор: целых четыре штуки. Выбираю синенькую, точнее бледно – синенькую, с черным воротником. Их, рубашки, гладить быстрее и проще. Спереди по грудиने провел и готово. Под куртку же никто заглядывать не будет, а у

меня смотришь, в электроэнергии экономия.

2

С экономией этой, скоро всех в могилу загонят. Коллеги мои по пенсионному законодательству с первого этажа, как счетчик на воду поставили, так дома в туалет перестали ходить.

Через дорогу, метрах в ста от нашего дома торговый центр, вот они туда и бегают. Я пару раз попробовал по их методе экономить, так на втором разе все и закончилось. На стирку брюк больше воды извел. Пятый этаж, сами понимаете, не рассчитал. Лифта ведь нет, да и не было никогда. Но за обслуживание лифтов платим ежемесячно, как в квитанциях прописано. Ох, эта наша, экономика, все время норovit в сторону увести, а ведь праздник сегодня.

Рубашку на брюки накинул. Теперь в коридор к ботинкам. На тряпочку масла самую малость, и энергичными круговыми движениями втереть в кожу обуви. Тьфу, ты, ну какую кожу? Совсем от праздничного дня голова закружилась. Прежде это кожзаменителем называлось, сейчас искусственная кожа. Теперь много чего, искусственно делают. Детей, и тех, в пробирках выращивать начали. Девки искусственные пошли. Губы, грудь, задница – все из целлофана. Это я про тех, которые сами ходят, которых мы на улицах видим. Но говорят и в магазинах, таких же продают, только не ходячих. Думается мне, что эти небольшое различие сотрется скоро,

произойдет «смычка» как говаривали большевики, целлофана с движением, и абздец, уже не отличишь, где совсем, а где частями искусственная.

От масла ботинки блестят, еще бы, драил так, что испарина выскочила. Ботинки у меня замечательные, фабрики «Скороход» до перестроечные, вездеходы всепогодные. Название фабрики только смущает. Никак не дойдет до меня, почему «Скороход». Они всухую, килограмма три весят, а по весне и осени с налипшей грязью все пятнадцать. Это, ж каким могучим надо быть, чтоб еще и скороходом в них бегать? Я конечно, не особо могучий, но к ботинкам привык, суставы не болят и на «Лошадиную силу» тратиться не приходится.

В ванную еще раз заскочил, руки с мылом вымыл, лицо смочил, дезодорантом мазнулся, не так чтобы обильно, а чуть – чуть для запаха.

Время проверил. Чутьочку за девять перевалило, в самый раз, не первый, но в первую десятку за пенсией попадаю точно. Первой, как всегда, Семеновна будет, она даже и опоздает чуток, так ее все вперед пропускают, чтобы меньше задерживалась. Сначала рубашку бледно-синенькую, на все пуговицы застегнул. Потом подумал, и две верхних расстегнул, чтоб грудь мою поросшую немножко было видно. На голове-то у меня, давно шаром покати, тут я как ежик чернобыльский, а на груди пока еще есть растительность, пара блох заблудиться даже может.

После рубашки брюки одел, ремень туго затянул. Рубашку под ним расправил, складки на бока согнал. Носки, как раз подсохли, в норму вошли. А как на ботинках шнурки завязал, так и нахлынуло...

Поглядел на себя в зеркало: лет так с полста сбросить, как есть «фазан» второго года службы.

«Прическа», брюки со «стрелками», ботинки – блеснит все, как у кота глаза. Куртку накинул, она у меня почти, как у девственника Вассермана, но сразу скажу, что поминаю его только в связи с курткой. Все готов. Раньше бы сказал к «Труду и обороне», сейчас, увы, только к получению пенсии.

Вышел из подъезда: погода наша – фирменная. Дождик идет, до того мелкий, что дождеком эту хрень назвать стыдно, так висит мелкая вода в воздухе. К тому же я за пенсией, а тут и ураган со смерчем на пару, меня с маршрута не свернут. Покивал соплеменницам на скамейке. Этим вообще ничего не страшно. Даже если торнадо их вместе со скамейкой поднимет, так и будут сидеть, кости всем перемывать, да еще и порадуются, что сверху лучше видно...

В помещение почты оглядываю пенсионеров. У нас как в спорте, смена составов постоянно идет. Только выбывают не на скамейку запасных, а... совсем, в общем выбывают.

Семеновна уже здесь, проводит, как раньше бы сказали, политинформацию. Сейчас вроде, это «дайджест» зовется. Как всегда с калькулятором в руках. На цифрах объясняет

очереди, сколько нам достанется прибавки с января. Осчастливили нас, с боярского плеча, накинули, аж четыре процента.

– И сколь, Семеновна, у меня теперь будет? – спрашивает одна из «ожидающих».

– Так, у тебя пенсия, десять, – уточняет Семеновна. Та, кивает головой. Щелкает калькулятор.

– На твою десятку, положено тебе 370 рубликов, – объявляет счетовод.

3

– Благодетели, – тихо говорит, та, что спрашивала, присаживаясь на стул, продолжая шевелить губами. Мы все ее прекрасно понимаем. Если бы на улице не моросило, и мы бы, в ожидание очереди стояли на крыльце почты, то много интересного мы бы услышали из ее уст, про депутатов и правительство.

Но здесь в помещении, она молча шевелит губами, а мы, киваем головами, полностью и категорически, соглашаясь с ее оценкой...

– Да и это-то так просто не отдадут. Придумают чего – ни будь. Не бывало такого, чтобы дали, а потом назад не вернули, – качает головой соплеменница, рядом со мной.

– А чего тут думать. Вон, магазин рядом. Цены, что ни день, как в том гимне «Все выше и выше и выше», – фальшивя, пропела «Справедливица». Ведь не зря же Сергей Ми-

хайлович, все время пишет, о введение налога на богатых. Глядишь, и поумерили бы свой пыл, – поминает она своего вождя. Так то, в партии она не состоит, но каждые выборы идет агитатором в «Справедливую».

Не за идею носиться, за деньги. Говорит, что и платят неплохо.

– Балаболка он, такая же, как ты, – прекращает в зародыше политический выпад Семеновна, – на заборах тоже, много чего пишут. Вот если бы все, что там написано, да исполнилось...

Все сразу примолкли, две женщины даже перекрестились, вспомнив надписи на заборах.

Кто-то в сердцах высказался, – пронеси, господи, от этих напутствий.

– И я о том же. Говорить и писать одно, а делать другое. Пишет он, для дурашек, вроде тебя, – объяснила Семеновна, – Ты пойми своей толоконной головой. Он, что, сам на себя налог введет?

– Кто, девки, первый с конца? – шутя, спрашиваю я.

– А ты сажал туда, чтобы сгонять? – отвечает сама бойкая на фоне раскатистого смеха других.

– И какая дура добровольно с него слезать будет? – подхватила веселье «Справедливица».

– За мной держитесь, – предложила дама в красной шляпе, под псевдонимом «Клавиша».

Первое время, она на всех на нас смотрела высокомерно,

слова растягивала, лениво цедя сквозь зубы, всем своим поведением, показывая, что мы ей не ровня.

Придя первый раз на почту, с порога объявила, что она бывший номенклатурный работник, который всю свою жизнь посвятила народу, повышению его материального благополучия и улучшению жизненного уровня на фоне повышения общего благосостояния страны.

Когда стоявшая за ней в очереди Семеновна, злая за то, что та не пропустила ее вперед, заглянула в ее листок, и увидела сумму предназначенной к выплате пенсии. Это ударило ее в самое сердце, отозвавшись оттуда набатом, и она заявила на все почтовое отделение, – Я сорок пять лет на стройке, отвалтузила и то столько пенсии не получаю, сколько эта... номенклатура, за свою эту... клавишу.

С тех пор, она стала «клавишей», а когда еще узнали, что и зовут ее Клавдия Шавеловна, оценили прозорливость Семеновны, и приняли Клавдию Шевеловну под псевдонимом «клавиша» в свои ряды. Сначала она фыркала, обжигала всех гневным взглядом, но со временем видимо поняв, что вся «номенклатура» в прошлом: кабинета нет, просителей нет, ушло и раболепие подчиненных.

Что теперь как ни крути, она, одна из нас, раз в месяц стоящих за пенсией в очереди.

– Я могу и за тебя подержаться, – скаламбурил я на ее слова.

– Больно надо, – взглянула на меня «клавиша».

–Объясни, как надо больно и где, – в шутку, притиснулся я к ней.

–Вот мужики. Ну, заразы же,– тут же отозвалось, наше «недремлющее око», Семеновна, – мало того, что всю жизнь у нас на шее сидят, так и тут подкатываются к той, у кого пенсия больше.

– Ой, девчонки, хочу вам про пенсии рассказать,– вступает в разговор «Справедливица»,

–У соседки муж недавно из тюрьмы вернулся. За тридцать лет, что в соседях живем, я его всего два раза и видела. Он, я думаю, из этих... ленинских соратников, тоже всю жизнь по тюрьмам. А тут выхожу, я с ведром мусор выкинуть, а он стоит на площадке, курит. Поздоровалась, он тоже мне, и мы вам с кисточкой. Девки, как рот открыл, там зубы сплошь золотые, я как увидела, чуть ведро не выронила. Еле с собой совладала, но спрашиваю,– Надолго, или так проведать? А кто его знает,– отвечает. Думаю вот, от дел праведных отдохнуть, пенсию выправить, а там видно будет.

Я опять спрашиваю, – Ты же с нар не слезал, злодей, какая, такая пенсия? А он мне, – Конституцию, иногда почитать надо, – и смеется, зубами своими ослепляя.

– Думаешь, удивила? – отвечает ей соплеменница из очереди, знакомая с такой ситуацией,

– У меня, муж сестры, такой же «ударник тюремного труда». Пенсия у него такая же, ну, может чуток поменьше, чем у меня.

– Пенсия – то откуда, они же не работали. Ворovali да грабили, – возмущается «Справедливица».

– Это ты у «Клавиши» узнай, она про благосостояние народа все знает, – советует ей Семеновна.

– Я работала, с другими категориями граждан, – тут же отзывается Клавдия Шевеловна.

– Это которые, задницы креслами, полируют, – уточнила Семеновна.

Клавдия Шевеловна, недовольно фыркнула, давая понять, что с «неотесанными» говорить не желает.

– А не двигаемся почему? – громко поинтересовался я.

– Денег пока нет, – пояснила мне первая в очереди, стоящая у самого окошка выдачи в которой я признал соседку по дому.

– А скоро и совсем не будет. Слышали в новостях? Два миллиарда, Африке подарили, у них там с пенсиями, тоже полный завал, – объяснила отсутствие финансов Семеновна.

– А до этого говорили, что Киргизии все долги простили, – поддакнула моя соседка.

– Вот, а мне с 85 года, по страховке сына до сих пор вернуть не могут, – посетовала середина очереди.

– Какая страховка? Ты как с луны свалилась? Нам-то еще раньше, все свои долги государство простило. Ты чего, не слышала? Как Ельцин распинался, – Простите, россияне, – возмутилась Семеновна.

– Сейчас не так, говорят. Сейчас, держитесь, говорят, мол, дальше будет еще хуже, – поправила ее, моя соседка.

– Ну, вот о чем, вы говорите? – во весь голос, стала возмущаться «Клавиша», – инфляция падает. Валовый продукт растет. Благополучие народа постоянно повышается. Реновация началась, пятиэтажки в Москве сносят. Жителей по новым квартирам, благоустроенным и большей площади расселяют.

А сносить-то зачем? Сдуру-то можно и «инструмент сломать? Взяли бы с коммуналки, да хоть бы и от нас с Октябрьской улицы, и поселили в эти дома. Со времен, ударных строек, там живут,

– высказалась середина очереди.

–Ишь ты чего захотела? С голым задом, да в Москву. Сама слышала, скоро и так туда, только по «визам» пускать будут, – отбила «хотелки» Семеновна.

Я вжикнул молнией на куртке, расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. Чувствую, пошел «накал», на почте становится жарковато

– А тут удивляться нечему, – подхватила «Справедливица». Турникетов везде понаставили, от народа отгородились. В милицию пошла, фиг тебе, турникет. Так мало турникет, сбоку еще будка стеклянная, за стеклом еще одна «будка» только в форме, да еще говорить может, но только вопросами, – Паспорт? Размер лифчика? К кому? Здесь ответишь, на третьем этаже, где прокуратура и суд опять, спрашивают,

правда, там «Будка» без будки, на третьем этаже ее поставить некуда, -

Паспорт предъяви? Что в лифчике носишь? А что за двадцать ступенек изменилось? Если только, паспорт от стыда цвет поменял. Раньше в горсовет свободно ходили, к любому можно было зайти.

Теперь ни как. Тоже «дуболома» на входе поставили турникет охранять. Тоже одни вопросы,

– Паспорт? К кому? Замучаешься этому сторожу объяснять. А как только дойдет до него и соизволит пропустить. Тут же звонит в тот кабинет, куда ты идешь. Это чтоб, все успели убрать со столов. Чашки, рюмки, ложки, вилки, колбасу, печенье, и конфеты. На компьютерах игры закрыть, в зеркало глянуть, на лицо деловое выражение накинуть. А то еще вместо этого, расстроено – злобное изобразить, чтоб, сразу значит, с другой стороны дверь закрыли и не мешали.

– Это точно. В стране работать некому. Раньше в сторожа пенсионеры шли от безделья. Сейчас, молодежь, все кому работать неохота. Обидно, сторожами зваться, так теперь «секьюрити»

– добавила моя соседка, – кого там охранять? Они свои кресла сами, от любого врага отобьют.

Бездельники к бездельникам, это как деньги к деньгам.

– Множество нерегулируемых посетителей, мешают нормальной работе администрации, – не выдержав натиска на «родное и кровное» – вступилась «Клавиша».

– Насчет «нерегулируемых», это ты в точку, – сказала Семеновна, – отцов потом, хрен, найдешь.

– Вот, что вы за люди? – возмутилась Клавдия Шевеловна, – все исказите, все перевернете.

– А в Америке, вся полиция за стеклом. Чтоб все видели, как работает, – сказала «Справедливица»

– У нас, если начни полицию и мэрию, через стекло показывать, дома и на работе никого не найдешь.

Все будут на улице стоять, и через эти стекла смотреть. А дня через два, набегут артисты из всех этих «Ментов с разбитыми фонарями», « Следствий с бесконечными тайнами» с битами.

5

Толпы будут разгонять у отделений полиции. А у мэрии депутаты будут тем же заниматься. Если народ увидит, как они за стеклами от безделья маются, кому они – то тогда нужны?

– Кто с краю? – граждане, – прервал дискуссию, мужской голос со стороны входа.

– Наконец – то мужики стали подтягиваться, – обрадовавшись, поворачиваясь, я на голос.

– Петрович, я по голосу тебя и не узнал. Богатым будешь, – говорю я, крепко пожимая руку.

– Я чего не слышал, чтоб свистел? – говорит он, крепко пожимая мою ладонь в ответ.

– Кто? – не понимаю я.

– Рак на горе, что богатым меня сделает, – смеется он, обращаясь ко всем присутствующим,

– Пламенный привет, всему честному пенсионному братству, – говорит Александр Петрович, мужик средних лет, на льготной пенсии по ранению, как он сам про себя говорит, – Извиняйте, граждане, два ранения, три контузии. Он самый заслуженный, член нашей «команды» Хотя он по возрасту, некоторым из нас годиться в сыновья, мы с уважением обращаемся к нему по отчеству.

– И тебе Петрович со всем нашим почтением, – от имени всех, приветствует его Семеновна,

– Согласно льготам или как?

– По льготам теперь и в сортир, не пускают, – улыбается ей Петрович, – по очереди.

– Кто последний, – спрашивает теперь женский голос.

– Катерина, как картина, за мной, – шуткой отзывается Петрович, увидев знакомую.

– А «амбразура» чего не фырчит? – интересуется Петрович. «Амбразурой» он называет окошко кассира.

– Денег еще нет, – поясняю я.

– Интересное кино. Как украсть, миллиарды находят, а крохи на пенсию, не найти. Я вот все время про это думаю. Может, мы в разных странах живем? В одной все богато живут. От богатства бесятся, воруют друг у друга, развлекаются. За это никого не сажают, ничего ни у кого не отбирают.

А в той, где мы, все вот у таких «амбразур» раз в месяц стоят, за пайком от их обильного стола. По минимуму, чтоб не загнуться. Причем эту страну, где мы живем, по телику не показывают, в газетах про нее не пишут.

– У нас телевидение: пристанище идиотов, специально делают так, чтоб его нормальные люди не смотрели, – делится своими впечатлениями крайняя в очереди Катерина – картина,

– Нашими же денежками платят. Рассчитываются с теми, кто больше всех на передачах грязью польет нашу матушку Россию. А если еще и по – батюшке пошлет, то ведущие от радости пищат, и гонорар сразу увеличивают. Все довольные, сытые, при белых зубах и улыбках. А чего им не радоваться? Больше нагадишь, больше получишь.

– Это точно, – соглашается Петрович, – при Сталине, не одна падла бы, не вякнула.

Громко хлопает входная дверь.

– Дайте дорогу жертве перестройки, – раздается в помещении почты.

Вся очередь поворачивается на голос. У двери стоит рыжеволосый, заросший густой щетиной мужик, в одежде, явно, не по сезону. В бывшей, когда-то белой майке, поверх которой, болтается, завязанный большим узлом цветной, с уже не понятными узорами галстук. Майка заправлена в спортивные с тремя тонкими полосками лампас штаны, которые

волной спадают на комнатные тапки, пряча голые, без носков ноги.

– Привет гвоздь, – присмотревшись, узнал мужика Петрович, – мы подумали, что ты уже загнулся.

Повнимательней присмотревшись, и я узнал Василия Гвоздева, человека известного в нашем районе, своим отношением к труду и отдыху, но получающего пенсию в другой день.

– А чего это ты в таком виде шлындаешь? – спрашивает его, Семеновна, – не холодно?

– А я может йог, – ухмыляется Василий.

– Кук ты, а не йог, – улыбается Семеновна, – чего не в свой день?

– Я, господа пенсионеры, – почесал тот через майку грудь, – наемдни конкурс выиграл. Я теперь являюсь помощником депутата. Из-за этого свой день выплаты и пропустил. Так что, согласно мандату, прошу пропустить вперед.

– А рожа от мандата не треснет? – спросил Петрович, – льготник нашелся.

– Как это ты Гвоздяра, ухитрился в помощники попасть? – интересуюсь я.

– Собрали ветеранов, по поводу годовщины Куликовской битвы. Понятно, что меня, как ветерана жертв перестройки, в первую очередь пригласили. А там депутат Госдумы.

хрен увидишь. Жаловался на свою жизнь: бессонница мол, замучила, ночами не сплю, все о народе думаю. А после речи своей жалобной, спрашивает у нас,

– А что, правду говорят, что нельзя прожить на прожиточный минимум? Мы ему отвечаем, – это смотря кому. А давайте говорит, попробуем? Спрашиваем его, – А сколько этот, прожиточный минимум? Восемь с копейками, отвечает. Тут трое, сразу согласились, и я, конечно.

– А кто бы сомневался? Как в бочке, без пробки? – оценила его поступок «Справедливица»

– Ты, Гвоздь, на политических, не обращай внимания, – попросил Петрович, – давай ври дальше.

– Ага, соври, как я. В общем, выдал нам депутат по восемь тысяч с копейками на месяц. К каждому приставил по соглятаю, и пошло дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.